

О. Странник

Трамвай судьбы

О. Странник
Трамвай судьбы

«Издательские решения»

Странник О.

Трамвай судьбы / О. Странник — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-857936-3

«Часовой стоит курит и говорит спокойно так: „Дальше вам, граждане, ходу нет, тут в поездной состав тюремный вагон врезан, и не мечтайте тута оставаться“» («Старый халат»). «Мы Китаем были переполненные через край, выпили всё спиртное в „Боинге“ и орали: „Добрый вечер, тётя Хая, вам посылка из Шанхая“» («Шанхайский казус»). И другие рассказы о любви, страсти, небывалых случаях, о шулерах, антикварах и кораблях; о разных странах и городах, начиная с середины прошлого века и кончая нашим временем.

ISBN 978-5-44-857936-3

© Странник О.
© Издательские решения

Содержание

Трамвай судьбы	6
Мечь	8
Шанхайский казус	14
Руслан и Людмила,	22
Танго «Кумпарсита»	26
Старый халат	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Трамвай судьбы

О. Странник

© О. Странник, 2017

ISBN 978-5-4485-7936-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Трамвай судьбы

На днях он опять разбил свою «Хонду», на этот раз так, что она не подлежала восстановлению, а сам отделался только царапинами и ушибами. Потом оперативно продал искорёженные останки тем, кому нужны чистые документы. И, как всегда бодрый и беззаботный, пришёл с деньгами домой, бросил их широким жестом на стол и весело сказал жене, всё ещё не свыкшейся с «невыносимой лёгкостью бытия» любимого супруга:

– Деньги ну прямо как с неба свалились, давай купим что-нибудь красивое и нарядное тебе и мне, мне – новые джинсы и бас-гитару, а тебе – всё что захочешь и на что этих денег хватит.

– Ага, давай лучше тебе бархатные чёрные брюки купим, а мне куртку такую замшевую с бахромой по рукавам в ковбойско-индейском стиле, – иронически ответила жена и заплакала: – Ты когда-нибудь повзрослеешь? Опять чудом жив остался, и – деньги ему, видите ли, с неба свалились, сколько тебе лет, чудовище ты моё?

– Тридцать семь, а что? Вся жизнь впереди, только хвост позади! – И он потрянул забранными в хвост волосами.

Жена засмеялась сквозь слёзы, хлопнула дверью квартиры, промахнула пролёт лестницы и выскочила на улицу. Как раз подлетел к остановке трамвай. Она метнулась в него. «Быстрее уехать куда глаза глядят, подальше от этого паяца, жизнь с которым сплошная трагикомедия, фарс, театр абсурда! И ведь ничто его не берёт: видать, в рубашке, да ещё и с серебряной ложкой во рту родился, катится по своей гастрольной жизни красивым блестящим шариком. То он на самолёт опоздает, то в драку ввяжется, то тонущую девочку спасёт и веселится на банкете, заданном в его честь. Похоже, Господь к нему двух ангелов-хранителей приставил...» – так она думала, глядя невидящими глазами за окно. В стекле смутно отражались её заплаканные глаза и грустное лицо. Она поправила пышные светлые волосы, вытерла слёзы и уже снова улыбалась, представляя себе своего неунывающего разгильдяя, но снова запечалилась: ей уже почти тридцать, пора детьми обзаводиться. Да как тут обзаведёшься, когда муж – сам как ребёнок? Хуже – вечный подросток! Как она устала от этой жизни на вулкане...

Она немного успокоилась, повнимательней взглянула в окно – за поворотом мелькнул мост. Аларчин? Нет, вроде Цепной... Да в какой же она трамвай села, не глядя? Должно быть, в 41-й, раз на площади Тургенева.

Внезапно вспомнилось: «...Бурей летел трамвай, как я вскочил на его подножку, было загадкой для меня... трамвай заблудился в бездне времён... остановите, вагоновожатый, остановите сейчас вагон... поздно... мы прогремели по трём мостам... Где я? Так томно и так тревожно сердце моё стучит в ответ... вокзал, на котором можно в Индию Духа купить билет...» – Гумилёв...

Вот и ей выпало очутиться в «заблудившемся трамвае», и остановки почему-то не объявляют...

Народу в вагоне было мало, неподалёку сидел симпатичный мужчина лет сорока. Он что-то перебирал в большом чёрном портфеле и иногда пристально взглядывал на неё. Лицо его показалось ей как будто знакомым. Он переложил что-то в карман, застегнул портфель, поднял голову и заулыбался. Кому он улыбается? Оглянулась: сзади никого, значит, улыбается ей – с чего бы это? Наверное, ему показалось забавным, что она то вытирает слёзы, то хмурится, то гримасничает.

За окном проплывали незнакомые места, вот въехали под железнодорожный мост... и вдруг раздался гнусавый голос вагоновожатой:

– Трамвай идёт по двадцатому маршруту...

Интересно, и куда же это? И почему так мало пассажиров? Или теперь всегда так – у многих ведь машины, в метро все переместились, в автобусы. А тут, в трамвае, в отличие от толчеи метро, так просторно и спокойно. И неизвестно, куда он её завезёт... Ну и пусть, и спрашивать ни у кого не будет, вот доедет до конечной, на какую-то окраину, заблудится, потеряется...

Она снова взглянула на симпатичного мужчину; он приветливо покивал ей и заговорил:
– Вы меня не узнаете, я ведь был аспирантом у вашего папы, даже домой к вам приходил, бывало.

И она вспомнила: да, ей было лет тринадцать, а ему – года двадцать три. То-то лицо знакомое; она, помнится, даже чуточку влюблена была в стройного, спортивного парня, и ей тогда казалось, что он на неё и внимания-то не обращал. Оказывается – обращал!

Мужчина снова застенчиво улыбнулся, пересел к ней поближе:

– А я ведь в вас непозволительно влюблён был, в девочку-то лет тринадцати! Я вас сразу узнал – волосы ваши прекрасные, глаза. Так обрадовался, что вас встретил, даже не вышел на своей остановке, с вами вот поехал. Но вижу, вы чем-то расстроены. А куда вы едете вообще? Ведь маршрут поменялся, а вам вроде всё равно?

– А мне действительно всё равно, – пробормотала она.

Он что-то продолжал говорить о своей жизни, о её покойном отце, о своей работе. А она слушала и думала – вот ведь трамвай судьбы! Перемена маршрута, встреча эта случайная, влюблённость детская, и он такой спокойный, симпатичный, помнится, папе и маме он так нравился. Перемена маршрута? Судьба?

Он продолжал:

– Я вижу, вы расстроены. О, Лесной проспект! Парк Лесотехнической академии недалеко, помните? Вы ведь здесь поблизости жили в те времена. Давайте выйдем, прогуляемся и поговорим. Ведь когда рассказываешь старому знакомому о своём душевном сумбуре, то и для себя становится всё яснее и понятнее.

Она подумала: а почему бы и нет? Он такой рассудительный, милый, уравновешенный. А вдруг это судьба? И она молча кивнула.

На следующей остановке они вышли, пошли по проспекту, впереди виднелся вход в парк, и ей уже представлялась умиротворяющая зелень высоких деревьев, шелест листвы, щебет птиц. Ей так не хватало этого в гастрольных сутолоках мужа, и её охватило чувство покоя, как вдруг зазвонил её мобильник – и весёлый голос мужа прокричал:

– Ну ты куда улетела, птица моя, куда ускакала, кобылица моя...

И чей-то звонкий тенорок со стороны вмешался:

– Слушай, это же прям строка песни: «Птица моя, кобылица моя».

И снова смех и голос мужа кому-то в сторону:

– Точно, это и будет новая песня...

И снова ей:

– Где ты обретаешься, песня моя, я сейчас за тобой приеду, я у ударника нашего, ну ты знаешь, у Димона, тачку одолжил и уже сгонял в магазин «Кастл-Рок» на Лиговке и купил тебе куртку замшевую всю в бахrome, а себе кожаные штаны! Ты где? У метро «Лесная»? Купи себе мороженое и стой, где стоишь, я через пятнадцать минут буду.

Она успела сказать:

– Какие пятнадцать минут! Не гони ты, опять разобьёшься, – но он уже отключился.

Она взглянула на своего спутника:

– Муж сейчас за мной приедет.

Тот пристально посмотрел на неё, грустно улыбнулся.

– Ну тогда до встречи в каком-нибудь другом случайном трамвае... – сказал он упавшим голосом, ссутулился и сел в отходящую маршрутку, поглаживая в кармане куртки шёлковую удавку.

Месть

Утром они с сыном приехали в гости – на дачу к друзьям, Игорю и Людмиле. Пока Людмила пекла пироги, Игорь затапливал баню, а тринадцатилетние дети – их сын Сева и хозяйская дочка Ира – играли в пинг-понг, они отправились на рыбалку. Аня сидела на вёслах, неспешно равномерно гребла довольно далеко от берега и любовалась своим мужем, его точными, сосредоточенными движениями – он налаживал мормышки, блёсны, наживки и ещё какую-то снасть для ловли судака на спиннинг. Его серо-голубые глаза сияли, на высоких скулах появился плиточный румянец, русые волосы трепал довольно свежий ветер финского залива, и он надел пилотку.

Её густые светлые волосы были заплетены в две косички; эти косички и отсутствие косметики придавали ей девчоночий вид, синие глаза сосредоточенно шурились, она усердно гребла. Муж на неё не смотрел, поглощённый своим делом, только коротко бросал иногда: «Табань, подгреби левым... бортом к ветру не вставай...» Это она и без него знала, отец-моряк когда-то научил её хорошо грести. Улов был неплохой – несколько крупных судаков. Они исправно клевали, сопротивлялись леске, сверкали чешуёй в упругих струях воды. Глеб их вываживал, подсекал и учил Аню всаживать финский нож в затылок трепыхавшейся рыбины. Часа через полтора они причалили к мосткам, Глеб выпрыгнул на причал, закрепил лодку и подал жене руку. Рыбу он выпотрошил и почистил на прибрежном камне, переложил крапивой в ведре, и они пошли не торопясь счастливые, довольные и усталые, особенно утомилась Аня с отвычки: давно не гребла.

Пока мужчины наслаждались баней, жёны накрывали на стол, а главное блюдо – только что выловленные судаки жарились на противне. Аня раскладывала столовые приборы и взглядывала в окно на детей. «Как интересно, – подумала она, – ровесники, но Ирочка уже полудевушка: грудки под маечкой, бёдра уже округлились, личико ещё детское, круглое, щекастенькое, а к игре вроде бы снисходит. А сын – дитё дитём, ловко-угловатый, на коленке ссадина, плечи ещё по-детски узкие, вихры торчат, поглощён игрой, весь в азарте». А вот и мужчины из бани – благостные, довольные. Людмила подала им по стакану кваса:

– Мальчики, отдохните пока, попейте, вот-вот всё будет готово.

Игорь откинулся в кресле, Глеб растянулся на диване, Аня внесла салаты, Людмила торжественно водрузила посередине стола блюдо судаков, обложенных картошечкой с укропчиком. Позвали детей и наконец уселись за стол.

– М-м-м-м... – взвёл глаза к потолку Игорь, закусывая ледяную водочку солёным огурцом и смакуя судака. – О-о-о, какая свежати́на, это вам не магазинный замороженный-размороженный завалившийся судак, этот – час назад ещё плавал! Несравненно!

И потекла застольная беседа давних друзей; Ирочка заинтересованно слушала взрослые разговоры, а Сева с аппетитом быстро поел, заскучал и попросил: «Мама, тётя Люда, сыт я, можно я пойду почитаю, там книжка про зверей у дяди Игоря интересная», – и отправился на веранду с увесистым томом Брема.

«Как уютно со старыми друзьями», – думала Аня, слушая шуточную перепалку Игоря с Людмилой по поводу влюблённости всех медсестёр в хирурга Игоря: они работали вместе, он – ироничный мужественный крепыш, она – разбитная голубоглазая брюнетка с косой до пояса. Потом Игорь рассказал пару смешных историй, Людмила начала провозглашать тосты – за дружбу, за детей, за любовь. Аня снова залюбовалась мужем: разворотом плеч, стройной шеей в расстёгнутом вороте рубашки, белозубой улыбкой. Он увлечённо рассказывал, как почти двое суток занимался пусконаладкой нового итальянского оборудования, потом перешёл к байкам из рыбацких и охотничьих своих походов. Ирочка слушала его, не отрывая взгляда; и Аня вспомнила себя девчонкой, как ехала с родителями в поезде и не могла

в купе отвести взгляд от бравого мужественного военного с блестящими погонами на широких плечах. А Глеб замолчал, внезапно зевнул в кулак и сонно пробормотал:

– Девочки, пока вы сладкий стол накрываете, я прилягу на пять минут, больше суток не спал, – и растянулся на диване плашмя на животе лицом к спинке, руки – одна под грудью, другая согнутым локтём над головой.

Ирочка продолжала смотреть на него во все глаза, никто на неё не обращал внимания, кроме Ани.

– Какой сладкий стол? Я вот ещё салатика и судачка. – Игорь разлил всем водки, поднял рюмку: – Ну, давайте...

Он выпил, женщины пригубили, и продолжился неспешный разговор ни о чём. И тут какая-то неведомая сила подняла Ирочку из-за стола, взгляд её стал мутным; как сомнамбула медленно она подошла к дивану и всем телом плашмя улеглась на Глеба и закрыла глаза. Компания за столом остолбенела: Игорь выпучил глаза и не донёс вилку с куском судака до рта; Люда выронила бутерброд с икрой и схватилась ладонями за щёки; Аня задела рюмку, водка расплылась по скатерти. Аня нарочито внимательно промокала лужицу салфеткой, боясь поднять глаза на это зрелище. Её переполняла странная смесь эмоций: и ревность, и какая-то гадливость, даже брезгливость, и смешно было, и необъяснимо противно. И вдруг – злость на мужа – правда, на него-то за что? – и злость на Ирку и презрение к ней. «Ну конечно, все всё знают о феромонах, гормонах, пубертатном периоде, биохимии полового влечения, – в смятении неслись мысли Ани, – но чтобы вот так, при родителях, жене... хорошо ещё, что Сева на веранде в книгу уткнулся... чтобы вот так – как магнитом её потянуло!.. ведь воспитанная же девочка, что за чёрт... как одержимая похотливым бесом просто...»

Немая сцена длилась уже секунд пять, когда Глеб проснулся, повернул голову, скосил глаза на тяжесть чего-то живого у себя на спине и ногах, обалдел на мгновение, но быстро нашёлся и ворчливым «родительским» голосом запричитал:

– Ну ты и тяжеленная, Ирка, слезай давай, стар я уже тебя на закорках носить, как двухгодовалую когда-то...

Он опёрся на локти, поднялся на колени на диване, подхватил её под коленки, встал с дивана, прогарцевал несколько шагов по комнате и сгрузил её на кресло. Она покраснела и захихикала, Игорь делано захохотал:

– Да, а я и Севку на закорках, бывало, маленького катал...

Сева услышал своё имя, заглянул с веранды:

– А торт скоро будет?

Все загоношились собирать тарелки со стола, накрывать стол для чая, убирать салаты в холодильник. Стараясь сгладить неловкость, все принялись вспоминать смешные истории про маленьких Иру и Севу, а сами они отправились на веранду играть в шашки. Выходя, Ира кинула на Аню недобрый недетский взгляд.

Прошло десять лет, Глеб погиб в автокатастрофе, Аня оплакала мужа, Сева женился, она разменяла квартиру и жила одна по новому адресу. Жизнь продолжалась, и она встретила Сергея, славного симпатичного мужчину, они встречались и подумывали пожениться. После смерти Глеба Аня поначалу редко, а последние лет восемь вообще не виделась с Игорем и Людмилой, но в один прекрасный день раздался телефонный звонок. Голос Людмилы звучал радостно-возбуждённо:

– Привет, подруга, вот только сегодня насилу разыскала тебя по новому телефону! Ирку замуж выдала, вчера была свадьба в ресторане, а сегодня продолжение у нас дома. Жених? Да только-только из десантуры демобилизовался, красавчик, ну влюбилась дочка... Что? Да с мамой живёт, в охранную фирму устраивается работать. Адрес-то наш помнишь? Приезжай, сто лет не виделись, ты же Ирочку с пелёнок знаешь. Ну, жду тебя, Игорь вот кланяется... Ждём!

Аня нарядилась, накрутила волосы, полюбовалась на себя в зеркало, подумала с удовольствием: что ж, сорок пять, баба ягодка опять – волна светлых волос блестит по плечам, синие глаза мерцают! Она намыла красивую хрустальную вазу из буфета, повертела её, решила, что для свадебного подарка маловато будет, и сунула в вазу конверт с деньгами. Упаковала красиво и отправилась; по дороге купила букет, поймала такси, помчались в Купчино, и вот уже она стоит у дверей квартиры, где так давно не бывала после смерти Глеба. Нахлынули воспоминания. Последний раз вместе они хохотали у этих самых дверей, наливая водку в громадную, расписанную красно-золотыми петухами чашку на громадном же блюде. Бутылка 0,75 водки поместилась в этот «сувенир» – это был их подарок Игорю на день рождения. Так они с полной водки чашкой и вошли в квартиру, Глеб обносил гостей, все отпивали по глотку, а Аня припевала: «Выпьем же за Игоря, Игоря дорогого, свет ещё не видел красивого такого... пей до дна, пей до дна...» – это уже когда чашка до него доплыла в руках Глеба.

Аня тряхнула головой, вернулась в настоящее и позвонила. Открыла Людмила, рядом стоял Игорь – обнялись, расцеловались под шум и гам гостей. Гремела музыка, несколько пар танцевало, застолье было в самом разгаре. Людмила выловила из сутолоки Ирочку, Аня обняла её, поздравила, вручила букет и подарок. Стояли вчетвером, восклицали, перебивая друг друга: «...Сколько лет, сколько зим, да-да... надо чаще видеться... а помнишь, бывало... спасибо... давно ли?... и вот уже невеста!.. а это жених, познакомьтесь – Саша!» Аня покивала высокому парню, яркому брюнету, странно белокожему. Он в каждой руке держал по бутылке шампанского, чёрные глаза пристально глянули на Аню. Ему замахали от стола: «Неси, неси, бокалы пустуют!»

Её усадили, кого-то она узнала, с кем-то её познакомили, наливали, чокались. Людмила уселась рядом, пододвигала закуски, восклицала, что-то спрашивала про Севу, не дослушав, начинала сама рассказывать своё, житейское. Веселье было в той стадии бестолковости, когда коловращение гостей достигло кульминации: вставали потанцевать или продышаться в соседней комнате, возвращались не на свои места, пили из первой попавшейся рюмки, пересаживались к внезапному новому собеседнику, неся в руках свою тарелку, а то и чужую. Людмила что-то подавала на стол, Игорь курил с компанией мужчин на площадке, Ира в соседней комнате показывала подружкам подарки, а гости танцевали даже в кухне. Там мелькнул жених, и Аня встретила его тёмный, тяжёлый пристальный взгляд, подумала: «Пьян, наверное...»

Напротив Ани за столом осталось несколько человек, они оживлённо что-то обсуждали. Опоздавшая Аня, похоже, была здесь самая трезвая; вертя рюмку, она вспомнила Глеба, загрустила, почувствовала себя такой одинокой, отрешённо глядя прямо перед собой на открытую дверь в соседнюю комнату. И вот в этих дверях возник жених Саша, он пристально смотрел на грустную Аню. Чёрные глаза стали бессмысленными, он медленно, как сомнамбула, пошёл к ней, обогнул стол, сел рядом близко-близко – так, что его нога от бедра до щиколотки прижалась к её ноге, а рука легла на спинку её стула. Аня заледенела, а от него веяло жаром, чёрные глаза заволокло поволокой, он хрипло прошептал:

– Какое у тебя бедро горячее...

Она подумала: «Это от тебя веет жаром, ненормальный...» – и отодвинулась вместе со стулом.

А в дверях напротив возникла его молодая жена с блюдом пирожков в руках, она уставилась на них, быстро подошла и водрузила блюдо на стол. Чего только не отразилось на её лице! Губы кривились и тряслись, мелькала неуверенная улыбка – то смущённая, то злая. В карих глазах – злость, обида, ревность, подозрительность, узнавание, понимание, воспоминание. Воспоминание? И тут же Аня вспомнила похожую давнюю ситуацию с Ирой и Глебом; и вот теперь зеркальное отражение той сцены – возмездие настигло Ирку на второй день её свадьбы. А молодой муж не видел её, он смотрел на Аню, двигал стул и пытался снова прилепиться к её бедру, потом прошептал:

– Пойдем потанцуем...

Иринины глаза, казалось, вот-вот испепелят их двоих, хорошенькое круглое личико покраснело, зубки прикусили нижнюю губу. Аня встала и громко сказала, даже рукой в сторону Ирины повела:

– А вот и новобрачная что-то вкусное принесла! – и быстро пошла в боковую смежную комнату в гущу танцующих.

Молодой муж очнулся, как проснулся:

– А! – Оторвал взгляд от Ани, перевёл глаза на Ирину, у той накопились слёзы. Болтливая компания за столом напротив ничего этого не заметила.

Аня в соседней комнате подхватила кого-то смутно знакомого и повела танцевать, оживлённо болтая:

– Да-а-а... давно не виделись... а где ты теперь... да что ты говоришь...

А сама думала: «С ума сошёл парень, вот не было печали – черти накачали. Хорошо хоть, никто не заметил, только Ира – та всё усекла, фу... неудобно как, нехорошо как... а Саша этот, красавчик горячий, что ему – молодой жены мало?... тестостерон в избытке, гормоны-феромоны, или пьян? Интересно, а у меня вот ноль ответных эмоций к нему...» И она, машинально кивая партнёру, стала в подробностях вспоминать ту историю десятилетней давности, как феромоны-гормоны повлекли тринадцатилетнюю Ирку к спящему на диване Глебу и уложили её на него плашмя всем телом и как правильно тогда повёл себя Глеб.

Танец со старым знакомцем закончился, но заводная танцевальная музыка снова загремела, и к Ане с двух сторон направились Игорь и новобрачный Саша. Она быстро шагнула в руки Игоря, они танцевали, предаваясь воспоминаниям: «...А помнишь...» – «А ты помнишь...» – «А ты не изменилась, Аня, всё такая же красотка, 30 лет от силы тебе...» – «Да ладно, не льсти, Игорёк...»

Последующие полчаса она всячески избегала преследующего её по всей квартире Сашу, за которым как нитка за иголкой ходила Ира.

Аня то с кем-то нарочно «увлечённо» беседовала, то помогала Людмиле заваривать чай и что-то резать, и вот понесла это что-то из кухни через холл в столовую. И тут в холле её перехватил Саша, взял у неё блюдо, пристроил куда-то и тесно прижал её к себе. Его хватка была железной, его жар буквально опалил её. «Температура сорок у него, что ли...» – мелькнула у неё мысль. Они танцевали танго, и она, чувствуя его возбуждение, старалась повернуться как-нибудь боком, а он с готовностью прижимался к её бедру, обвивал её ногу своей. Она пыталась отодвинуться – какое там! Его затуманенные глаза были так близко, горячая щека прижималась к её виску. Но вот в холле появился приятель жениха с двумя рюмками и бутылкой в руке:

– Санёк, а мы с тобой ещё за ВДВ не пили, давай, братан...

Саша ослабил хватку, и Аня выскользнула как раз навстречу Людмиле, успела подхватить блюдо ватрушек с какой-то тумбочки, и они вместе пошли в столовую. Чайный стол был в разгаре, невеста резала и раздавала громадный торт, немного протрезвевшие гости отовсюду потянулись к десерту. Сидя рядом с Людмилой с чашкой чая, Аня немного расслабилась, но тут в соседней комнате зашумели, началась какая-то возня, в дверях возник в обнимку с приятелем Саша – красивый до невозможности! Он переоделся в тельняшку и расстёгнутую куртку с аксельбантами, брандбурами, значками и лычками, на голове набекрень – голубой берет. Он заворачивал в полотенце бутылку из-под шампанского и орал: «Коронный номер десантуры, смотреть всем!» – ожег Аню быстрым взглядом, потом стащил с головы берет и со всей дури трахнул этим свёртком себя по голове. С громким хлопком бутылка разбилась, из полотенца посыпались осколки, по виску «героя» потекла струйка крови. Всеобщий переполох, возгласы восхищённых приятелей, ахи-охи, Иркины слёзы, причитания Людмилы, смятение гостей, успокаивающий голос Игоря. Всего этого Аня уже не слышала; стоя на площадке лестницы, она вызывала такси, сказали – через 15 минут. Из квартиры вышли супружеская пара и их

знакомый, услышав разговор с такси, они попросили подбросить их до метро. В машине они возбуждённо комментировали события, склоняясь к версии посттравматического синдрома военной службы жениха на фоне пьянства. Аня промолчала, но мысленно согласилась с таким объяснением эскапады с битьём бутылки о голову.

На следующий день она не решилась звонить Людмиле, та тоже не позвонила. Было воскресенье, Аня занялась домашними делами и старалась не думать о вчерашнем. Ближе к вечеру она собралась за покупками, сменила халатик на джинсы и блузку, пошла к дверям; раздался настойчивый звонок в дверь. Она спросила:

– Кто?

Ответили:

– Доставка цветов.

«Наверное, Сергей заказал», – подумала Аня и распахнула дверь.

На пороге с букетом роз и фирменным магазинным пакетом стоял вчерашний новобрачный Саша в тельняшке и куртке с аксельбантами, на виске подзасохший порез. Она изумлённо спросила:

– Как ты меня нашёл? И зачем, ты же два дня как женился?

Он куда-то вбок под вешалку сунул пакет, уронил розы ей в ноги, схватил её за руки, забормотал:

– Когда мужчина хочет... если *так* хочет... разыщет, из-под земли достанет, где угодно найдёт...

Аня растерялась, она просто не знала, что делать; её испугало, но и, что скрывать, польстило это его внезапное появление: парень на двадцать лет моложе неё – и такая отчаянная влюблённость. «Ладно, – метались рациональные мысли, – вроде он трезвый, надо поговорить, успокоить, объяснить, предложить дружбу». «Дру-у-ужбу-у-у... – хихикнул ехидный внутренний голос. – Ты же взрослая девочка, какая дружба, не обманывайся... Ирке хочешь отомстить...»

«Да выставить его за дверь! У меня же есть Сергей, а у этого Ирка, молодая жена... да и я к этому Саше ничего не чувствую», – говорил внутренний рациональный голос. А ехидный внутренний голосок возражал: «Не чувствуешь, пока не попробуешь... молодой, красивый, весь пылает... и Ирке отомстишь за тогдашнее наглое приставание к твоему мужу».

«Да нет, зачем тебе это», – неуверенно возражал рациональный внутренний голос. А десантник времени не терял, целовал её руки, бормоча что-то неразборчивое, из пакета возникли замысловатая бутылка и коробка конфет, но они так и остались на подзеркальной полке. Откуда-то появился букетик фиалок, который он сунул ей за глубокий вырез блузки. Его чёрные глаза смотрели искательно и виновато, горячие руки осторожно прикасались к её оголившимся плечам. Он уткнулся ей в волосы и сбивчиво шептал:

– Как ты пахнешь дурманно... Я сбежал вчера, всю ночь где-то, не помню... утром у ребят в казарме... потом таксиста разыскал, адрес узнал... Хочу, не могу... сладкая, медовая... – и легко подхватил её на руки. И тут Аня поняла глубокий смысл поговорки «Проще дать, чем объяснить, почему не хочешь»...

Любовником он оказался опытным, нежным, умелым, неутомимым и затейливым. Он пылал, умирал, возрождался, снова пылал и, задыхаясь, шептал ей бессвязные непристойные нежности. А Аня ничего не чувствовала, кроме физической усталости уже под утро, когда богатырский сон сморил наконец бойца. «Откуда такая ледяная фригидность, – думала она, – вот ведь с Глебом, любимым мужем, было море страсти, восторгов и наслаждений. С Сергеем, нынешним другом, море не море, но вполне себе озеро нежности и удовольствия. А с этим влюблённым красавцем – ничего, утомление и усталость». Вот он лежит навзничь – ну просто юный бог Марс! Великолепный рельеф мышц под атласной белой кожей, на плече тату – парашют и орёл со змеей в когтях, смоляные завитки волос в надлежащих местах, Приапов жезл

снова готов восстать, кожа светится в предрассветном сумраке комнаты, грудь мерно вздымается, косая чёрная чёлка упала на лоб, лицо печальное. Утомлённая Аня (ну как будто всю ночь дрова колола!) грустно смотрела на печальное лицо нежданного нежеланного любовника и вспомнила латинскую максиму: *Post coitum omne animalium triste est, nisi gallus et mulieres* – «*Всякая тварь после соития печальна, кроме петуха и женщины*». И засмеялась...

Шанхайский казус

Нефритовый двухметровый Будда таинственно улыбался, лёжа на боку в полумраке храма. Благовонный дымок курительных палочек тёк извилистыми струйками, мешаясь с запахом спелых фруктов на бронзовых ритуальных вазах. Букеты поздних ноябрьских хризантем добавляли остроты в эту смесь ароматов. Монах в оранжевой хламиде, сидя на полу, отрешённо бормотал, второй в лад напевному речитативу постукивал молоточком по резной деревянной свернувшейся клубком рыбе. Гигантские позолоченные статуи богов мерцали вокруг, и гипнотическое оцепенение, похоже, овладело всей нашей маленькой группой. Мне удалось стряхнуть наваждение и достать фотоаппарат. Гид прокричал яростным шёпотом:

– Нелизя футуглафилить, нелизя!

У меня всё же получилось щёлкнуть пару раз со вспышкой, которая как будто пробудила моих спутников, они задвигались, загалдели и потянулись к выходу в прихрамовый сад. Монахи, погружённые в себя, продолжали ритмичное постукивание и напевную молитву. И мне захотелось побыть ещё в душистом полумраке, пока гид будет водить остальных по мостикам и беседкам над прудами с красно-золотыми карпами.

Присев на пятки рядом с монахом, я забормотал стихи Гумилёва, попадая ямбом в ритм молоточка:

Кто дремлет, если не Россия?
Кто видит сон Христа и Будды?
Не обновленная ль стихия —
Снопы лучей и камней груды?
Кто видит сон Христа и Будды,
Тот стал на сказочные тропы.
Снопы лучей и камней груды...

Дальше забыл слова и перешёл на так модные нынче цифровые стихи тем же четырёх-стопным ямбом, декламировал их и чиркал их в блокнот:

108 47 12
107 15 47
5 49 48
5 49 47...

Полупрозрачные нефритовые губы Будды зазмеились ехидной улыбкой... или это струйки фимиама исказили их безмятежность? Рядом со мной возник китаец неопределённого возраста в мешковатых штанах и куртке, сунул мне под нос растопыренные три пальца, выхватил из курильницы палочку, загасил тлеющий конец об пол и исчез в полумраке храма. Я от неожиданности заткнулся и поспешил к выходу; невозмутимые монахи продолжали постукивать и бормотать.

Навстречу мне по саду шёл гид, подняв вверх зелёный сложенный зонтик, за ним подтягивались наши, наперебой упрекая меня:

– Ну ты где пропал? Сколько тебя ждать можно? Пошли давай в автобус, обедать пора...

В автобусе я хотел было спросить гида про странного китайца, но постеснялся, решил, что тот просто хотел продать курительные палочки за три юаня... или три пачки за три доллара, наверное. Мои спутники шумно обменивались впечатлениями. Девушка-гид, сменившая того, с зелёным зонтиком, в мегафон напоминала план на сегодня и раздавала проспекты и памятки.

Наша группа только сегодня утром прилетела из Бийджина (именно так сами китайцы называют Пекин). Мы оставили в необъятном мраморном сверкающем вестибюле отеля багаж и руководителя группы Раису Гарбузенко – она же владелица турагентства и бывшая известная телеведущая. Раиса, изящная энергичная блондинка средних лет, осталась заниматься нашим расселением, а нас накормили завтраком – и в автобус, на экскурсию.

В Пекине мы провели три насыщенных впечатлениями дня после одиннадцатичасового перелёта из Москвы. О, эти старые и новые чудеса китайской столицы! Эти незнакомые запахи и кишащие толпы одинаковых низкорослых людей, эта гигантская площадь и киборги – военные патрули с непроницаемыми лицами и автоматическими движениями. А Запретный город, дворцы, сады, храмы, базары, хутуны! Впечатления громоздились и наслаивались... «Ну ничего, потом всё уляжется в голове, – думал я, сидя в автобусе рядом с черноволосым молоджавым Павлом Петровичем, с которым успел подружиться, – всё рассортируется, тем более снимки и записи мои помогут всё вспомнить...»

Я – молодой инженер и начинающий поэт – чувствовал себя чужим в этой группе солидных пожилых мужчин. Как выяснилось, все они были большими начальниками в строительных трестах Северо-Запада, да и единственный среди них дружелюбный весельчак Павел Петрович тоже был главным инженером какого-то питерского треста.

Автобус лавировал среди транспорта и снующих во всех направлениях пешеходов, упорно лезущих под колёса. Казалось, что все 30 миллионов населения Шанхая вышли на улицы и толкуются, не обращая внимания на транспорт. Мы с Павлом сидели сразу за водителем суперсовременного автобуса с великолепным обзором через лобовое стекло и только ахали, охали и рефлекторно «жали то на тормоза, то на газ», как бывает с автомобилистами-пассажирами при аварийных ситуациях. Мы с уважением поглядывали на бесстрастное лицо водителя и его ловкие манёвры. «Интересно, – подумалось мне, – в этой толпе и в Пекине, и здесь, в Шанхае, совершенно не видно детей и собак», – и я спросил об этом девушку-гида Лули. Она ответила почти без акцента:

– Да, собак вы не увидите, но не думайте, что это потому, что мы едим собак. Нет, не едим, мы не корейцы. Просто есть приказ выгуливать их до семи утра и после часу ночи в специальных местах. За нарушение очень большой штраф. А дети – в школе или дома, а на улицах – нет. Постановление правительства: одна семья – один ребёнок. И все они заняты делом.

Все заинтересованно стали спрашивать:

– Как? Это постановление всё ещё действует?

– А что бывает, если возьмут и родят ещё?

– Даже богатые китайцы, а их теперь у вас много... даже эти «новые китайцы» должны соблюдать закон «один ребёнок»?

Круглолицая Лули, коренастенькая в своей синей униформе, опустила узкие чёрные глазки и стала по очереди отвечать:

– Да, постановление действует. Если рожают ещё, они просто не регистрируют этого ребёнка, но это бывает в дальних провинциях, в деревнях, в горах. Им нужны рабочие руки в хозяйстве. Но в городах так не получится. Все всё видят, не утаишь. «Новые китайцы» фиктивно разводятся и фиктивно женятся на девушке из деревни. Рожают от первой жены, а запиывают на вторую, разводятся с ней, дают денег и отправляют её к родне в деревню, ребёнка оставляют себе и снова женятся на первой жене... Посмотрите налево, перед вами Большой оперный театр, белый мрамор, десять этажей, шесть тысяч мест на первом этаже... – сменила она тему.

– А всё-таки, что будет, если здесь, в городе, семья родит второго ребёнка? – строго спросила пожилая дама – главный бухгалтер из Калининграда.

Взгляд Лули ушёл влево и вниз, явный признак вранья, и она медленно проговорила:

– Ну-у-у... я вообще-то о таком не слышала... постановления правительства для нас обязательны...

Она снова взглянула прямо на вопрошавшую и уверенным тоном продолжила:

– Посмотрите направо, это Шанхайская библиотека. Она занимает площадь три гектара, высотой 106 метров, 24 этажа. Это высочайшее библиотечное здание в мире, напоминающее своей формой гигантский маяк. А сейчас мы подъезжаем к ресторану «Джуай», здесь будет обед «фестиваль пельменей». По контракту с турфирмой вы будете обедать и ужинать все дни пребывания в разных ресторанах, только завтрак на шведском столе вашей гостиницы New Garden.

Автобус остановился напротив входа в ресторан, все потянулись к выходу, нас уже ждали. Как мне нравятся эти китайские церемонии, так отличные от европейского отношения к туристам! От самого выхода из автобуса до входа в ресторан простирался красный ковёр, вдоль которого стояли официанты в национальных костюмах, справа – мужчины, слева – девушки. И все кланялись, а перед распахнутой входной дверью стоял лицом к нам метрдотель в пояском поклоне с гостеприимно распростёртыми руками. Казалось, они всю свою жизнь только нас и ожидали, и вот – мы приехали, какое счастье! И понимаешь, что это всего лишь ритуал, но – приятно!

Разнообразие пельменей было поразительным, подано было традиционно – на вращающейся середине круглого стола на восемь человек. И на выбор – весьма неплохое местное пиво и сливовое вино. Обед удался! А потом нас отвезли в цирк, в это нереальное чудо что снаружи, что внутри. Без замученных животных, без жутких клоунов, только акробатика, жонглирование и мотоциклисты в шаре. Всё на пределе человеческих возможностей. Даже наш самый старый и толстый директор треста из Мурманска, задремавший было от обилия впечатлений и переживания, убаюканный нежной музыкой номера жонглёров, проснулся от рёва мотоциклов и вместе со всеми по завершении номера стоя аплодировал и орал что-то восьмёрке этих парней. Те, победно вскинув руки, стояли с такими бесстрастными лицами, как будто это не они только что нарезывали спирали на бешеной скорости внутри шара в полной темноте, только фонарики на шлемах кружили бешено.

Ужинали мы в прикольном ресторане, где еду жарили прямо у нас под носом на встроенной в середину стола жарочной панели.

В холле гостиницы нас ждала наша очаровательная Раиса, быстро раздала нам ключи от номеров, и вот я уже в своём одноместном. Какая прелесть – просторно, метров 40, кровать с балдахином, вид из окна во всю стену на психоделический садик под осенней ущербной луной. И вот в голове моей забродили рифмы и образы какие-то дурацкие: «...Китайская луна желтеет кривобоко, как переспелый плод... и зуб неймёт, хоть видит око, и сон нейдёт... Я одинокий стихоплёт...»

И тут раздался стук в дверь и вошёл Павел Петрович, нагруженный бутылкой армянского коньяка и прозрачным пакетом засахаренных на палочках китайских фруктов:

– Олег, составь компанию, начальники спят, а нас с тобой пригласила Раиса Васильевна на дружеские посиделки, пошли!

Раиса рассказывала нам байки о телевидении восьмидесятых, а мы за ней наперебой ухаживали. Посиделки затянулись, но встал я рано, чтобы успеть до завтрака поплавать в бассейне на крыше. Наверх поднял меня сплошь зеркальный лифт в узорах гравированными драконами. Кукольное нарисованное личико девушки-лифтёра в красном атласе радостно улыбалось мне. Она кланялась и чирикала что-то вроде бы по-английски, сюсюкая на звуке *th*. После плаванья разыграл аппетит, я спустился в ресторан с обильнейшим шведским столом. Кроме того, посреди зала высокие атлеты в накрахмаленных белых шапочках и кителях двигались в почти ритуальном танце, выпекая и подавая яичницы, блинчики и что-то непонятное. Я залюбовался, пробормотал вслух:

– Разве китайцы бывают такими высокими, с модными бородками и в усах?

– Это маньчжуры, я уже поинтересовался, – ответил Павел с полным подносом разносолов и уселся рядом со мной. И тут к нашему столику подошла, тоже с подносом, толстая женщина средних лет в дурацкой бейсболке, оскалила зубы толерантной американской улыбкой:

– Hay! Isn't occupied? Can I sit here? («Привет, здесь свободно? Я сяду?»)

– Sure, sit down please. («Конечно, садитесь, пожалуйста.») – Я тоже изобразил улыбку, и мы с Павлом расчистили место для её тарелок и судков. Она уселась и принялась за еду, не снимая бейсболки. Как мне противна эта американская манера! У нас в России не принято за стол в головном уборе. Ну, кроме дам в модельных шляпках на светском рауте. А наша внезапная сотрапезница непостижимым образом продолжала улыбаться набитым ртом и одновременно говорить:

– Oh, thanks... how nice! Well... where are you from? I'm Emily, from Canada. And you? Oh, Russia! («Спасибо, очень мило, вы откуда? Я Эмили, из Канады, а вы? О, Россия!»)

И она, непрерывно жуя, поведала нам, что с подругой приехала в Китай, чтобы взять приёмного ребёнка, здесь это, мол, проще и дешевле. Быстро сметав всё в себя, она бросила:

– See you later! («Увидимся!») – и потопала вглубь зала к мужеподобной тётке, восклицая: – Oh, wait, wait...

Подругу, наверное, увидела. Павел тоже поднялся, подмигнул:

– Мне тут рекомендовали одного аборигена, негласные платные экскурсии по значным местам водит, пойду поговорю, – и отчалил.

Я остался один за столиком над тарелкой экзотических ароматных фруктов, они были как пушистые красные шарики, очень вкусные и такие красивые, называются рамбутаны.

Рам-бу-та-ны...

И тут, как всегда неожиданно-негаданно, в голове моей зазвучал стихотворный размер, но не слова, а цифровые строчки. Я стал записывать на салфетке:

49 49 25 15 7 – то ли хорей, то ли третий пеон, смотря как прочитать и какие слова подложить. Я снова продекламировал цифры пеоном, глядя на запись, потом забормотал:

– Рам-бу-та-ны, рамбутаны, сладкоснежные внутри...

...Змейки сладких воскурений застыт пламя, и

Завитки улыбки Будды вкрадчивей змеи...

Я воздел очи горе. И мой вдохновенный взгляд наткнулся не на музу-китайку и не на доброжелательного Пегаса, а на пристальные глаза китайца в униформе с подносом грязной посуды в руках. Он перестал собирать судки с моего стола, пристроил поднос на стул, показал мне три растопыренных пальца и прошептал:

– Саньхэхуэй...

Я вытаращил глаза и глупо спросил:

– Чего?..

Китайские лица, на взгляд европейца, невыразительны, но я разглядел (или мне показалось, что разглядел) страх и угрозу в антрацитовых узких глазах. Он стал делать вид, что считает объедки с тарелок, и тихо заговорил:

– Моя лаботай лесетолан Мосукува... твоя и моя саньхэхуэй... – И он тыкнул пальцем в мои цифровые стихи на салфетке.

Я заподозрил, что он голубой, но при чём здесь цифровые стихи? И я решил отшутиться:

– Моя твоя не понимай...

Одной рукой он продолжал для вида переставлять посуду, пальцем другой руки опять потыкал в мои цифры, показал на двойные 49:

– Моя боець, твоя боець саньхэхуэй... тлиада... – тыкнул в 25, прошептал: – Влаг шипион пледатель... – показал на 15: – Очене холошо... – ткнул в 7: – Смелть... – и чиркнул себя по горлу большим пальцем.

Я обалдел и не знал, как реагировать. Из его бормотанья и пантомимы выходило, что он и я – рядовые бойцы китайской «Триады» и я цифрами докладываю о предателе, опасности и смерти, так, что ли? Ну, я читал и в кино видел про эту «Триаду» и их шифры, но чтобы вот так влипнуть с цифровыми стихами?! Ну и совпадение, ядрён батон! Или что?.. И не он ли совал мне под нос три растопыренных пальца у Нефритового Будды? Я не знал, что говорить и что делать, просто сидел, уставившись на «соратника». Он выжидательно смотрел на меня с подносом грязной посуды наперевес, и тут вернулся Павел Петрович. Он с ходу адресовался к моему китайцу:

– О, нашёл тебя, ты – Фенгджи? А по-русски Федя?

Тот с готовностью закивал и заулыбался, они отошли к соседнему неубранному столику и тихо заговорили на смеси ломаного английского и ломаного русского. Из рук Павла что-то перешло в руки «Феди», тот покивал, с улыбкой повернулся ко мне, показал на пальцах *okeй*, ткнул в Павла и изобразил мне пальцами 49, поклонился и ушёл со своим подносом. Павел, не ведая, что его только что обозначили бойцом «Триады», присел ко мне и радостно сказал:

– Ну, это он и есть, которого мне рекомендовали, Федя этот. Я ему дал задаток, поздно вечером он нас отвезёт в шанхайские хутуны, то есть шикумэни – так они здесь называются. А сейчас пошли быстрее, автобус уже подали, нас ждут жемчужные плантации.

В автобусе я не слушал нового гида – пожилого китайца, в советские времена он учился в Москве и говорил почти без акцента. Я не любовался окрестностями и не участвовал в маленьких торжищах на ступеньках в дверях автобуса при каждой остановке, когда ватаги торговцев лезли друг на друга и совали нам в руки свой товар. Я думал только об одном – рассказывать или нет Павлу о цифровом коде «Триады», совпавшем с моими цифровыми стихами, и о бдительном «Феде». Я соображал, куда это он нас повезёт на ночь глядя и не скажется ли мне больным и не поехать. Несколько отвлекло меня развлечение на жемчужной плантации: служитель достал из садка большую раковину-жемчужницу и сказал, что кто угадает число жемчужин в ней, тот их все и получит. Все закричали, я буркнул «шесть», вскрыли раковину, и оказалось, я угадал. Они были разного размера – белые, а одна, самая большая, с горошину, – розовая. Её я оставил себе, остальные раздарил нашим дамам. Гид заулыбался, тихо сказал мне:

– Поднебесная приняла тебя, это тебе послан талисман.

Наши богатые главные бухгалтерши бросились покупать косметику на растёртом жемчуге по рецепту императрицы Ци Си, а мы с Павлом пошли в ювелирную мастерскую. Перефразируя Германа из «Пиковой дамы», я на нервной почве даже пропел:

– Там груды жемчуга лежат, и мне они принадлежат...

Павел хмыкнул: «Если бы...»

Жемчуг переливался нежными оттенками, одинаковые лица сортировщиц плыли перед глазами, маленький Ганеша, набранный из жёлтого жемчуга, подмигивал мне лукаво... А я всё думал: сказать – не сказать? Потом мы пообедали в дивном рыбном ресторане со всеми церемониями, затем в Океанариуме акула равнодушно улыбалась мне в лицо, проплывая над стеклянным туннелем, по которому мы двигались на бегущей дорожке. А я всё не решался Павлу рассказать, да что и как рассказывать-то, может, я не так всё понял?..

На ужине в очередном ресторане происходило театрализованное действие «виртуозное нарезание утки по-пекински». Весь в сомнениях за столом, я приналёг на винцо и решил подарить Павлу Петровичу тоненькую книжечку своих стихов. Я открыл уже было рот чтобы завести разговор о цифровых стихах, как началась вакханалия фотографирования на фоне

расчленения очередной утки блестящим тесаком, и всё смешалось в моей пьяной голове – люди, утки, вспышки, цифровые коды и тесаки...

В гостиницу мы прибыли поздно вечером, перегруженные впечатлениями и вином, а около двенадцати за мной пришёл сияющий Павел, сверкнул азартными карими глазами:

– Пошли давай, денег много не бери...

За его спиной в коридоре маячил «Федя». В вестибюле дежурный портье за стойкой окинул нашу троицу равнодушным взглядом, сказал пару слов «Феде» по-китайски, а нам протянул буклеты отеля и просюсюкал на своём странном английском, что можно показать буклет любому в городе таксисту и тот доставит нас сюда, а английского никто на улицах не знает. И мы помчались в неизвестность с «Федей» за рулём по сияющему, сверкающему, переполненному людьми ночному городу. Вот над широкой рекой Хуанпу все в огнях промелькнули телебашня «Жемчужина Востока» и три поразительных небоскрёба – «Открывашка», «Кукуруза» и «Отвёртка», прозванные так туристами. Потом свернули вглубь квартала, повернули ещё раз – в узкий переулок – и остановились, вышли. Вокруг были сплошные стены без единого окна, ну, это типично для хутунов, то есть шикумэней. У неприметной калитки «Федя» кивнул китайцу в европейском тёмном костюме – калитка распахнулась, за ней был садик, в глубине вход под навесом на красных столбах, загнутая крыша, круглые красные фонари с кистями. Внутри нас встретили яркие огни, пряные запахи и две девушки в ярких шелках и причудливых причёсках, с подносами в руках. Они кланялись и улыбались, отступая за какие-то ширмы, и Павел радостно устремился за ними. Меня же как-то мягко оттерли «Федя» и привратник в костюме. Они улыбались и кланялись, но чёрные шарики глаз в узких прорезях век смотрели холодно и пристально. Передо мной распахнули стеклянную витражную дверь с птицами и пионами, я вошёл. В комнате, обставленной по-европейски, за письменным столом сидел средних лет седой китаец, жестом предложил мне сесть и на хорошем английском языке спросил:

– Что это такое, вы можете мне объяснить?

Перед ним на столе лежала смятая бумажная салфетка с моими цифровыми стихами. Я сбивчиво заговорил о том, что я – поэт, и помахал тоненькой книжечкой своих стихов (всегда ношу её с собой, вдруг кому-нибудь подарить придётся). Я достал блокнот с набросками, стал тыкать пальцем в строчки цифровых стихов, пытаюсь объяснить, что это такое. Он прервал меня скептически:

– Цифровые стихи? Ерунда! Нумерология? Символика чисел? Это шифр?

Он почему-то меня страшно пугал, этот обычный на вид пожилой китаец, похожий на клерка средней руки. Да ещё разговор шёл по-английски! Ну как мне было объяснить, что цифровые стихи – это просто ритм, стихотворный размер. Это в нашей силлабо-тонике, которая так отличается от китайской тоновой системы иероглифов-слогов. Я, заикаясь, лепетал про Ли Бо и Ду Фу, о моём восхищении ими и китайской поэзией вообще. Он слушал меня сначала недоверчиво, но потом предложил мне продекламировать цифровые стихи по-русски, что я и сделал – громко и с выражением. Тут он с интересом попробовал сам продекламировать мои цифры по-английски, я ему с энтузиазмом вторил, и всё шло на удивление хорошо с размером: фотинайн, фотинайн, твентифайв, фифтин... – а тут вдруг сбилось: ...севен...

– But if I trying' in Chinese... («А если по-китайски попробовать...») – проговорил он задумчиво и забормотал по-своему, потом проводил меня до двери, я протянул ему свою книжку, успев чиркнуть автограф, он кивнул, и я вышел. Там ждал меня привратник (или кто-то на него очень похожий). Он с поклонами сказал на коверканом английском, что для меня большая честь разговор с господином Вонгом, он – Байсэде Фэнси, то есть Белый Веер¹, и теперь я могу просить и получить всё, что захочу: девочку, мальчика, опиум, суп из эмбри-

¹ Белый Бумажный Веер – «титул» босса «Триады», управляющего контрразведкой и финансами.

онов, зелёного дракона... Я удивился: дракон?.. эмбрионы?.. наверное, я не так понимаю его ломаный английский, – и спросил, где мой друг.

– О, he's very busy enjoying two girls, – ответил мой услужливый собеседник. («Ваш друг очень занят, наслаждается двумя девушками».)

– Then I want to look around here. («Тогда я у вас тут осмотрюсь».)

И я пошёл на звуки музыки и мяукающего пения; пошёл, но не дошёл: у меня страшно разболелась голова. Все эти звуки, резкие запахи, полупрозрачные ширмы, красные фонарики и абсурдный разговор с Вонгом после насыщенного впечатлениями дня – это было слишком. Я опустился на первый попавшийся табурет, провожатый подобострастно молвил: «Clap your hands if need» («Хлопни в ладоши, если надо»), – и ретировался. Я сидел и решил, что на сегодня с меня достаточно, и побрёл, как мне казалось, на выход. За углом в приоткрытую раздвижную дверь я увидел нескольких примерно годовалых детей, они сидели на ковре тихие и неподвижные, как маленькие Будды в синих курточках. Круглые чёрные плюшевые головки, агатовые щёлочки глаз, одинаковые желтоватые личики; ни одно не повернулось в мою сторону. У ближайшего к двери младенца я разглядел на нежной шейке за левым ушком тату – синий кособокий крестик. В углу из-за ширмы появилась старуха в чём-то сером, мешковатом, с дымящейся миской и ложкой в руках. Я отпрянул от щели, кинулся по коридору, выскочил во внутренний дворик, устремился к калитке, наткнулся на привратника. Тот меня беспрепятственно выпустил. В переулке стояли съестные лотки под навесами, тусклые лампочки светили сквозь пар, мельтешили люди, что-то ели с бумажных тарелок, галдели. Переулок упирался в блестящую огнями магистраль, я поспешил туда, махнул первому попавшемуся такси, показал буклет гостиницы. Через двадцать минут я был на месте, портье скользнул по мне равнодушным взглядом, и вот я уже в своём номере, не раздеваясь, падаю на кровать.

Утром я проспал и без завтрака вылетел к автобусу, где уже сидели все наши. Павла не было, я оглянулся на его директора, тот смущённо сказал:

– Павел Петрович приболел, решил денёк отлежаться.

– А жаль, – встряла его соседка, главбухша, – мы ведь как раз в Центр тибетской медицины едем.

И мы поехали. Про тамошние чудеса я расскажу как-нибудь в другой раз и про чайную церемонию тоже. После обеда нас повезли в Судчжоу – Город шёлка. Павел к тому времени оклемался, присоединился к нам и всю дорогу с восторгом рассказывал мне о воплощении в реальность своих китайских эротических фантазий, а на обратном пути я наконец рассказал ему о своих приключениях. Он легкомысленно махнул рукой:

– А, забудь, всё ведь обошлось...

Следующие дни были тоже полны впечатлениями: Пекинская опера, парк Юй Юань, фабрика фарфора, китайская Венеция – Чжоучжуан, город на воде и Великая Китайская стена.

В день отъезда утром за завтраком на шведском столе я увидел толстую канадку Эмили с мужеподобной подругой. Эмили держала на коленях и кормила с ложечки годовалого китайчонка. Он сидел абсолютно неподвижно, как маленький Будда. Круглое личико ничего не выражало, только в косых прорезях век чёрные зрачки быстро ходили туда-сюда на незнакомое окружение да маленький ротик послушно открывался навстречу ложке с йогуртом. На чёрной плюшевой головке уже была напялена дурацкая бейсболка с кленовым листом, на красной курточке – Микки-Маус. На нежной шейке за левым ушком виднелась татуировка – синий кособокий крестик. Увидев меня, Эмили просияла:

– Oh, hay! What a lucky streak, we have adopted a child! Such a nice baby, is it? And not very expensive... Oh, by the way, have you heard? The guy who is the cleaner of dirty dishes here... He drowned early in the morning in the pool, the place is cordoned off and no one is allowed to swim... («Привет! Какая удача, мы усыновили ребёнка! Какой милый, правда? И не очень дорого...

Да, кстати, вы слышали? Парень, который убирал грязную посуду здесь, утонул рано утром в бассейне, и там всё оцеплено, никого не пускают плавать...»)

Я промычал что-то и сел неподалёку со своим подносом, холодок страха побежал у меня по спине: так значит, господин Вонг разобрался с «Федей», притащившим меня, так сказать «левого», непричастного к их делам человека, в тот притон, где ещё и детьми торгуют... Я тупо смотрел на остывающие блинчики. Как я вляпался-то с цифровыми стихами... то есть «Федя» вляпался, а я виноват! Или я не виноват? И, знать, просто судьба его такая? И кому быть повешенным – тот не утонет?..

Через три часа мы уже летели домой, усталые и переполненные Китаем через край. Это требовало выхода, и наша группа и ещё несколько россиян выпили все запасы спиртного на борту «Боинга» к вящему изумлению китайского экипажа. Потом мы достали припасённые бутылки, добавили, и нам похорошело. Потом мы с Павлом Петровичем дуэтом орали:

Добрый вечер, тётя Хая,
Вам посылка из Китая,
А в посылке два китайца,
Два китайца чешут яйца...
Добрый вечер, тётя Хая,
Вам посылка из Шанхая,
А в посылке два вазона
И х... новейшего фасона!

Китайки-стюардессы то ли не понимали, то ли делали вид, что не понимают. А потом уже целым хором мы патриотично спели «Подмосковные вечера», наконец уgomонились и заснули. Перелёт предстоял долгий – одиннадцать часов.

Руслан и Людмила, или «Оьттул кьисас»

В Питере стояло прохладное дождливое лето, а на турнире бойцов смешанных единоборств Fight Nights Global в спорткомплексе «Юбилейный» кипели страсти. Над ареной сверкали и резали пространство острые разноцветные лучи, телекамеры и прожекторы выхватывали интересные ракурсы, мерцали один главный и два боковых экрана, показывая крупным планом фрагменты поединков и нарезки знаменитых боёв участников. Зрители шумели, свистели и аплодировали, комментатор жестикулировал, секунданты вытирали-одевали своих бойцов, а побеждённого врач обрабатывал сильно рассечённую бровь.

Но вот рефери поднял руку победителя и прозвучало его имя. Это закончился третий сегодняшний бой, поединок средневесов. Бой закончился техническим нокаутом в начале второй пятиминутки, и раскатистый красивый баритон главного ринг-анонсера страны Александра Загорского уже объявлял следующую пару. Загорский – благородная седина, безукоризненный пробор, смокинг, красный галстук-бабочка и уголок красного же платочка – элегантно и непринуждённо дирижировал этой симфонией гвалта, света, эмоций и сексуальности, переходя с русского на английский, грассируя и растягивая гласные...

И как всегда, модуляции его голоса вызвали у Людмилы сладострастный трепет предвкушения великолепного зрелища мужской стати, силы и агрессии. Высокая, хрупкая, русоволосая Людмила привычно принимала красивые позы в октагоне, в этой восьмиугольной сетчатой клетке ринга.

И вот она танцует, такая тоненькая и лёгкая среди других накачанных и обманчиво-доступных полураздетых ринг-гёрлс, иначе говоря – девушек шоу. Теперь все они дружно размахивают бразильским флагом под ритмичную музыку выхода Лу Волка Да Коста, а вот и он идёт по проходу в окружении секундантов и приближённых. Смуглый, фигурно стриженный Лу уже на помосте, как всегда, запрокинул голову и очень похоже испустил волчий вой, от которого у Людмилы взорвался внутри то ли фейерверк, то ли побежали пузырьки шампанского. А под рёв болельщиков и оглушительный, усиленный динамиками отвязный рэп пружинистой походкой, приплясывая и имитируя удар «двойку», уже входит в клетку его соперник – бритоголовый канадский боец Брет Маньяк Бертон. Он в такт рэпа поводит татуированными плечами и приплясывает в окружении своей команды. Теперь девушки размахивают полотнищем с кленовым листом, слепят разноцветные огни, орут поклонники...

В это же время из-за спецмашин с логотипом телеканала «Матч TV», стоящих у бокового входа в спорткомплекс, появляется невысокий плотный мужчина в спецовке с таким же логотипом на спине и в низко надвинутой бейсболке и входит в здание вместе с другими телевизионщиками. В руках у него большая металлическая коробочка с какими-то лампами и бухтой кабеля. Потом он отстаёт от всех и устремляется в боковой проход, там достаёт из кармана тяжело звякнувшую связку, какое-то время возится с замком железной двери служебного входа, открывает её и проскальзывает внутрь, поднимается по лестнице к мужским туалетам, достаёт что-то из-за бачка в одной из кабин и проскальзывает в женский туалет. Оттуда он выходит уже в спецовке с надписью «Техслужба СК «Юбилейный» на спине и на нагрудном кармане...

А в клетке анонсер Загорский перечисляет титулы и с отяжкой скандирует: «Бре-е-ет Бе-е-ерто-о-о-он...», а сам Брет, продолжая имитировать «двойку», широко открывает рот и кричит своё имя вместе с анонсером, перекрикивая его к восторгу фанатов – такая уж у этого канадца фишка. Людмила кружится по пёстроному от реклам настилу октагона с транспарантом «1-й раунд». Рефери произносит положенные слова, пять секунд длится поединок взглядов

бойцов, канадец пытается начать «трештокинг», но рефери пресекает его – в России, мол, не принято... Рукопожатие соперников... звучит сирена – бой...

Девушки – ринг-гёрлс толпятся в зале снаружи клетки, некоторые ушли в гримёрную, а у Людмилы звонит мобильник. Она выбегает на служебную лестницу, захлопывает металлическую дверь – шум зала слышится здесь приглушённо, почти не мешает расслышать мужской голос в мобильнике. Она узнаёт этот хриловатый голос с акцентом, она ждала именно этого звонка:

– Вещиц у мэнья, тэбе оставил в женским, в паслэдний кабин... ему скажиш-ш-шь, как училь...

В зале усиливается накал страстей: второй раунд, и бой пока на равных. Болельщики подзадоривают бойцов, свистят, топают; секунданты выкрикивают советы, рефери мечется в октагоне, уворачивается от прыжка Лу. Тот делает вертушку, промахивается, Брет кидается ему в ноги – захват, борьба в партере... Очень зрелищный бой, у Лу базовая техника – джиуджитсу, Брет – ударник, пришёл из бокса, но и в тайском боксе он бывший чемпион в среднем весе.

Людмила входит в последнюю кабинку туалета, достаёт из-за бачка пакет, разворачивает – там деньги; засовывает в шортики, бежит в гримёрку. Надо успеть спрятать деньги и быстро обратно, в клетку, – скоро пятый, титульный бой за пояс чемпиона, главный поединок вечера, который все так ждут, а она – особенно.

Звучит сирена, победил бразилец Лу Волк Да Коста отдельным решением судей: двое судей присуждают победу ему, один судья – Берту Бертону. Фанаты Лу орут от восторга, недоброжелательные болельщики канадца оглушительно выражают протест...

Тем временем широкая спина с надписью «Техслужба» мелькает уже высоко под куполом, где на колосниках крепятся потолочные прожекторы...

А в проходе из раздевалки под музыку «Роллинг Стоунз» уже идёт немецкий боец Рихард Лунц, на ходу пожимает руки фанатов и приветственно машет зрителям. Прделаны все обычные ритуалы, звучат необходимые слова и приветствия, и снова модуляции голоса анонсера отзываются в Людмиле сладким любовным томлением. И вот, наконец, появляется в проходе тот, которого все сегодня так ждали, особенно Людмила, – Руслан Тагиев по прозвищу Гепард, действующий чемпион, обладатель пояса Fight Nights Global в полутяжёлом весе. Он идёт пружинистой походкой, такой высокий и красивый, и несёт этот великолепный сверкающий пояс перекинутым через правое плечо. Гремит гимн его дагестанского бойцовского клуба – «Потому что я горец». Татуированный гепард на его спине, кажется, готов прыгнуть.

Он проходит совсем близко от Людмилы, глаза их встречаются, она чувствует его запах, он на мгновение тонет в её газельих глазах под веерами ресниц и делает невольное движение задержаться, но плотная группа сопровождающих увлекает его мимо... У неё внизу живота трепещут золотые рыбки, невыносимо сладко щекочут, а он, весь в предвкушении боя, уже пройдя мимо и смеясь шуткам тренера, внезапно понимает, что именно такую женщину искал всегда и везде...

Но механизм судьбы запущен и события неотвратимы, и Руслан входит в клетку, речитативом Загорского гремят его параметры, титулы и статистика боёв, вокруг Руслана ритмично двигаются ринг-гёрлс, но без Людмилы. Она стоит снаружи клетки и старается не смотреть на него, ей что-то говорит вертлявый спортивный журналист, она не слушает. В октагоне под протяжные модуляции своего имени в артистичном исполнении анонсера Руслан Гепард Тагиев вскидывает чемпионский пояс над головой и кружит по рингу, рядом секунданты и тренер.

Претендент на титул Рихард Лунц в своём углу слушает последние наставления своего тренера и секундантов, рефери подзывает бойцов на середину... У немногочисленных женщин в зале и у девушек шоу лихорадочно блестят глаза, некоторых потряхивает от возбуждения:

в воздухе переизбыток тестостерона, да и предыдущие четыре волнительных поединка нагнали им возбуждения! И вот теперь – кульминация вечера – пятираундовый бой знаменитых бойцов за чемпионский титул! Людмила присела за судейскими местами, старается не смотреть в клетку, делает вид, что слушает журналиста...

А высоко под потолком на гулкой металлической лесенке навстречу мужчине в спецовке техслужбы возникает парень в такой же спецовке и перекрикивает шум и свистки зрителей:

– Ты новенький, что ли?.. Так чего ты несёшь-то, надо было разьёмы и пакетник, разве Петрович не сказал? Да ладно, сам спущусь, заодно бой посмотрю... – И он грохочет вниз по ступенькам мимо замершего в молчании мужчины. Тот переводит дыхание, крутит в досаде головой и по железным мосткам направляется в сторону, поглядывая вниз, но огни над клеткой слепят, плохо видно, и он по другой лесенке немного спускается ниже...

А внизу идёт третья пятиминутка поединка. В арсенале Руслана – рукопашный армейский бой и боевое самбо, у Рихарда – кикбоксинг и вольная борьба, оба и в стойке и в партере хороши... Первый раунд за Русланом, второй – за Рихардом...

Людмила боится взглянуть, но по рёву болельщиков и выкрикам секундантов понимает, что происходит... А на ринге – такая заруба! – по ходу схватки Рихард, падая на спину, «засывает» грозного Руслана перейти в борьбу в партере. А тот характерным жестом руки даёт понять немцу, чтобы тот поднимался в стойку. А в стойке что только не летит в Гепарда от Рихарда: хай-кики левой ногой в голову, удары руками, удары ног в корпус. Руслан парирует, и вот его отточенный тяжеленный правый удар, который часто приносит ему досрочную победу, ошеломляет Рихарда, и он уходит в клинч, рефери разнимает их, и немец, оклемавшись, наносит серию ударов локтями, один из которых рассекает лицо Тагиева. И вот развязка наступила неожиданно: чудесным образом изрядно побитый Руслан неожиданно, удачным броском в ноги, переводит бой в партер и проводит болевой прием... И зал затихает – секунда... две... Людмила взглядывает и уже не может отвести глаз: клинч в партере, Рихард внизу, левый глаз заплыл; у Руслана разбита скула и губы, течёт кровь... Оба застыли, мышцы вздуты, тяжёлое дыхание... Людмилу затрясло, рядом кто-то протянул вполголоса:

– Неужели «твистер»...

Рефери низко пригнулся над бойцами, секунданты загалдели кто что, зал взорвался ором и свистом, комментатор, уразумев в чём дело, завопил:

– Что мы видим... Нереально! Это «твистер»! Даже UFC видел только один раз успешным этот болевой приём в исполнении Корейского Зомби Чан Сунг Юнга на Леонарде Гарсии! И вот теперь его демонстрирует Руслан Гепард Тагиев в конце третьего раунда!.. Это удушье, адская боль в шее, ведь «твистер» является рычагом аж на позвоночник! Да, вы не ошиблись, это скручивание позвоночника!.. Сколько же сил отдал Руслан на этот приём!.. Похоже, Рихард почти в отключке... Это победа, Руслан отстоял свой титул! – И комментатор на мгновение замолк, поперхнувшись...

Секунданты Рихарда выбросили полотенце...

А человек в спецовке высоко над октагоном поудобнее устраивается у железных перилец и начинает прикручивать глушитель. Бормочет себе под нос почему-то по-русски: «И бес глушитель биможна, такой шум, но пусть будет...»

Казалось, болельщики сошли с ума, шум действительно стоит оглушительный, в клетке столпились секунданты, врач над побеждённым, рефери, репортёры...

А Руслан... его лицо в крови, но он, вскинув руки, приветствует беснующийся зал. Его секундант не спешит к нему с водой и полотенцем, тоже восхищённо кричит что-то...

И вот Людмила влетает в клетку с чемпионским поясом в руках и с ходу прижимается к Руслану... И немислимые золотые рыбки внизу живота разлетелись по всему её телу, превратились в тягуче-сладкий, почти невыносимый огненный поток, и горячее цунами оргазма

накатило, затопило, оглушило... Мгновение, другое, а он, улыбаясь разбитыми губами, смотрит на неё, недвижим. Секундант застыл рядом... зал неистовствует...

Человек наверху плавно нажимает курок...

Людмила, ошеломлённая, ослабевшая, еле держа тяжёлый пояс, почти висит на Руслане и вместо выученных оплаченных слов, млея в этом секундном бесконтактном сексе, жадно вдыхает запах пота, крови и страсти и шепчет ему в разбитые губы:

– Так, наверное, бывает только перед смертью...

– А я уже мёртв... кровник... – шепчет Руслан и начинает оседать; пуля вошла слева в основание шеи у ключицы, кровь заливает ему грудь, пятнает Людмиле лицо, она теряет сознание и тоже оседает на ринг... Из карманчика её шортот выпадает бумажка с корявыми буквами оплаченных слов, которые она так и не сказала, а должна была сказать Руслану, повиснув на нём, остановив его победное кружение и дав тем самым пару секунд для прицельного выстрела сверху.

И вот Руслан расплывётся на настиле, чемпионский пояс косо прикрывает ему грудь, и никто ничего не понимает: он всё отдал бою и теперь просто без сил упал на помост? Кровь? Ну да, из разбитой скулы и разбитых губ, но почему так обильно?.. Все толпятся вокруг него, пытаются поднять, помочь...

Девушки – ринг-гёрлс помогают Людмиле встать, уводят её с ринга, мало что понимая, бормочут что-то успокаивающее, сочувственное. Она безвольно передвигает ноги, оглушённая, разбитая...

Человек в спецовке под всеобщий шум и гам уже спустился сверху, оставив на железном трапе наверху «Глок-19» с глушителем, он выходит на улицу, навстречу ему, завывая и мигая, несётся машина скорой помощи.

Телезрители у экранов видят только толпу на ринге. Что там происходит? Комментатор пытается невразумительно озвучить происходящее... Трансляция отключается, идёт реклама...

А в далёком городе Махачкале седая старуха у телевизора всё понимает и шепчет поговорку дагестанской кровной мести на своём языке, шепчет слова, так и не сказанные Людмилой Руслану: «Оьттулкьисас, оттулучу я зуннттул бакІрай шанул, я неххама чІувщинал къауч чайсар». («Кровная месть, убийца-кровник не выпится на вершине горы и не напьется у реки».)

Танго «Кумпарсита»

Рослый сероглазый парнишка лет двенадцати ехал в трамвае №5 домой, на Васильевский остров. Его звали Саша, и возвращался он с тренировки, рядом с ним на скамейке стоял маленький фибровый чемоданчик с металлическими уголками, в нём лежали боксёрские перчатки, капа и прочие необходимые вещи. Одет он был в обычную мышино-серую школьную форму и старенькое, маловатое ему уже полупальтишко. Было это в 50-м году, да... или в 51-м: ещё ходили трамваи по Невскому проспекту и жив ещё был Сталин.

Часов 11 осеннего вечера по тем временам считалось довольно поздно, и в пустом прицепном вагоне, кроме мальчика Саши и кондукторши, был ещё только один пассажир – постарше Саши шкет с косой чёлкой и фиксой, в натянутой на уши кепке-лондонке. Мальчик Саша искоса взглянул на него и сразу узнал: «гаванский», Коська из Скобского дворца. Если кто не знает, Скобской дворец – дом на Косой линии, где ещё до революции жили рабочие кожевенного завода, выходцы из Псковской губернии, скобари, иначе говоря. Сам же Саша, по тем же уличным понятиям, звался «островной». «Островные» – это те, кто жили на линиях, а те, что жили от 24-й линии и дальше, до Голодая, – те именовались «гаванская шпана» и люто враждовали с «островными». Жестокие уличные драки и подвигли худенького Сашу заняться боксом.

Трамвай свернул с моста на Васильевский остров. На повороте стало хорошо видно, как в ярко освещённом первом вагоне небольшая компания парней и девушек чего-то загоношилась, кто-то из них поставил на скамейку патефон, открыл его... Саша пригляделся: вот один крутит ручку, второй достаёт... пластинку?!

Трамвай замедлился к остановке, а Саше стало так интересно, что он выскочил из своего и заскочил в первый вагон. Действительно, парень в бушлате и клёшах, бережно держа пластинку за рёбра, поставил её, опустил звукосниматель, и полилась страстно-томительная, завораживающе-ритмичная неслыханная мелодия.

– Танго «Кумпарсита»! – провозгласил парень в бушлате и подхватил со скамейки девушку в пальтишке нараспашку, в бареточках и фильдеперсовых чулках. Саша, стоя на задней площадке, смотрел во все глаза. В трамваях той поры длинные жёлтые деревянные скамейки стояли вдоль стенок вагона, поэтому в середине было просторнее, чем сейчас. И вот представьте это фантастическое зрелище: по набережной Невы летит трамвай №5, сверкая красными софитными огнями над лобовым стеклом. Неповторимая патефонная музыка с шипением и потрескиванием гремит знойным аргентинским танго, мимо мелькают какие-то баржи, фонари и их дрожащие отражения в зыбкой воде, вот проносится памятник Крузенштерну, вот парусник «Сириус», а в пустом моторном вагоне парень в клёшах и девушка в беретике танцуют, неотрывно глядя друг другу в глаза. Кондукторша с рулончиками билетов и сумкой мелочи вытаращила глаза. Вся остальная компания – два парня в куртках-москвичках и девушка в платочке и чулках в резинку – жмётся у кабинки вагоновожатого, который не оглядывается, но как-то в такт дёргает плечом. На задней площадке восхищённый Саша проехал свою остановку, а заскочивший следом за ним Коська «гаванский» в ухмылке сверкает фиксой, подталкивает Сашу локтём и шепчет:

– Пластинка-то – трофейная, с собачкой... Эх, фартово, а, кореш?!

– Фартово!.. – выдыхает Саша и выскакивает из трамвая, который уносится по Косой линии, и музыка стихает вдали. Потом он идёт обратно до своей 16-й линии по набережному бульвару, и в нём гремит, пылает и тоскует танго «Кумпарсита», а перед его не видящими знакомый путь глазами мелькают клёши и фильдеперсовые стройные ножки...

В середине 50-х Саша учился в Мореходке, что на Косой линии, продолжал заниматься боксом и дрался уже не с «гаванской шпаной», а с «фрунзаками» – курсантами Военно-мор-

ского училища им. Фрунзе, которым по форме полагались палаши, что делало «бои» с ними особо опасными, и Саша перешёл в секцию самбо, что, как известно, сокращённо означает «самооборона без оружия».

По радио с утра до ночи звучали бодряческие комсомольские песни, иногда – классика, а Сашина рота маршировала в экипаж и в баню под «Марш энтузиастов». Но волшебное танго «Кумпарсита» жило в нём мечтой несбыточной, потому что на танцах в училище и в Мраморном зале играли па-де-катры, краковяки и па-де-патенеры, и изредка – вальс-бостон.

Власти боролись тогда со стилистами, и курсантов Мореходки привлекали в патрули – отлавливать стилига, отстригать им коки и распарывать брюки-дудочки, поколачивая бедолаг по ходу действия. А Саша знал одного такого чувака в своём дворе с детства, и тот научил его, где искать «Кумпарситу» – на барахолке у Обводного канала. Да, там он отыскивал трофейные пластинки с собачкой на этикетке, склонившей ухо к граммофонной трубе. Пластинки эти были редкостью и стоили дорого, да и танго «Кумпарсита» не попадалось. Но народная смекалка не знала границ, и на барахолке попадались самопальные грампластинки «на костях», то есть на рентгеновских снимках. Умельцы переписывали на эту плёнку джаз, блюзы, регтайм, свинг и буги-вуги; умельцев сажали, а музыка «на костях» звучала, вопреки официальному газетному лозунгу «Сегодня он играет джаз, а завтра Родину продаст». И многие меломаны даже не читали карандашные подписи на рентгеновской плёнке, они сразу определяли: рёбра? это Гершвин! Глазница – это Билл Хейли, а вот кисть руки такая кривая – так это Дюк Эллингтон... И Саша наконец-то купил «Кумпарситу» «на костях», на чьём-то локтевом суставе! А потом повезло, и он достал настоящую трофейную пластинку с собачкой Ниппером записи 37-го года и не мог наслушаться...

А затем в учебных заграничных плаваниях и в регулярных рабочих рейсах на сухогрузе «Балтийск» Саша Головин собрал много версий танго «Кумпарсита», и не только его. Так он стал коллекционером и завсегдатаем Джазовой филармонии, и занимался он теперь в секции карате. По работе для оформления заграничной визы надо было жениться, и Саша женился. С того самого памятного танго в трамвае в его представлении девушки делились на тех, что в тонких чулочках танцуют, как бы отдаваясь партнёру, и тех, которые смотрят со стороны в скромном платочке и простых чулках в резиночку, и женился он как раз на такой. А что? Сидит дома, варит борщ, ждёт мужа из дальнего плавания, где в разных портах хватает тех, что танцуют.

В 70-х и 80-х власти боролись с фарцовщиками, туенядцами и рок-н-роллом. Потом они вяло боролись с теневой экономикой (догадайтесь, почему вяло!), очень борзо боролись с диссидентами и продолжали бороться с рок-музыкой. Но стройные девичьи ножки теперь уже в нейлоне и мужские не в клёшах, а в джинсах выплясывали под запретную разнообразную музыку от Прибалтики до Владивостока и доплясались до лихих 90-х.

Теперь власти боролись между собой и за верховную власть в стране, обретенная свобода превращалась во вседозволенность, а передел собственности Балтийского морского пароходства привёл рядовых бойцов и авторитетов Саню Кумпарситу и Костю Гаванского на очередную разборку среди заброшенных краснокирпичных фабричных цехов на Кожевенной линии у Финского залива. Консенсуса не достигли, и произошла перестрелка.

Вот представьте картину: отгремели выстрелы, пара джипов улетают на форсаже, один стоит подбитый, два невредимых, бойцы в адидасовских спортивных костюмах – кто сидит, кто лежит. На подножку привалился, держась за раненое предплечье, Костя Гаванский в малиновом пиджаке, и в наступившей тишине из его магнитолы громоподобно хрипит голос Профессора Лебединского: «Я убью тебя, лодочник...» – прямо в тему, не правда ли! Рядом прислонился к дверце машины Саня Кумпарсита, одетый в чёрную кожаную куртку на тельняшку, в его магнитолу попала пуля, а если бы не попала, то было бы слышно... танго «Кумпарсита»? А вот и нет! Из неё звучало бы «Когда святые маршируют...» хрипатым голосом Луи Арм-

стронга. И тоже было бы в тему. Костя Гаванский, перетянув руку галстуком, подтолкнул Саню здоровым локтём и сказал:

– Чики-пуки, пацаны, погнали наши городских!

Наступили 2000-е, и Александру Петровичу Головину, владельцу заводов, газет, пароходов, в его 62 года вступил бес в ребро. Он развёлся с супругой, сыну дал порулить филиалом в Выборге, а сам – поглядите-ка! – играет свадьбу с прелестной двадцатилетней барышней из службы эскорта. Перед нами прямо-таки кадр из давней кинокартины «Венский вальс»: через Дворцовый мост едет белая карета, запряжённая парой белых лошадей с плюмажами, а следом – ещё две кареты, а за ними – длинный белый лимузин «Хаммер» на тридцать шесть мест. В головной карете красавица в белоснежных кружевах, сверкая лукавыми глазками, щекочет букетом белых лилий нос импозантного жениха в белом же костюме. Он подтянут, спортивен и строен, серые глаза сияют, он счастлив – жизнь удалась! Вот кортеж останавливается у Ростральных колонн, а там в гранитном полукруге музыканты в белых фраках уже играют танго «Кумпарсита». Взлетают белые кружева над стройными ножками в ажурных чулочках, и не шестидесятидвухлетний Александр Петрович, а двенадцатилетний Саша сам танцует знойное аргентинское танго с красавицей и сам же как бы видит себя со стороны. Поют томительные скрипки, звенят синкопами аккордов в ритме сердца, плывут Ростральные колонны, за ними – Петропавловская крепость, кружатся прогулочные катера на Неве, сияют блики на воде, стреляют пробки шампанского. Вокруг – нарядные гости с бокалами, за ними – толпа зевак с фотоаппаратами. Костя Гаванский... пардон! – Константин Иванович, в смокинге и с бабочкой, подталкивает локтём охранника в чёрном костюме и восклицает:

– Эх, вот это понтово! Это тебе не танго в трамвае, а, Серёга?!

– Каком трамвае, Константин Иванович, о чём вы? —не понимает Серёга начальника охраны.

А на гранитном парапете сидит мальчик лет двенадцати, держит в руке снятые наушники, из них глухо звучит рэп, но оркестр заглушает его. Мальчик с восторгом смотрит на танцующую белую пару, на стройные ножки в сетчатых чулочках, и зажигательно-томительные ритмы вечного знойного танго «Кумпарсита» сливаются с его сердцебиением...

Старый халат

Помните старую смешную песенку:

По наследству мне достался старый дедушкин халат,
На толкучке был он куплен сотню лет тому назад...

Почти так же произошло и у меня: тут недавно сын пришёл, развернул передо мной красивый халат и сказал:

– Мам, помнишь, ты мне когда-то подарила этот ковровый халат, а я его тогда, в свои восемнадцать лет, всего-то пару раз надел для прикола, но какие халаты в этом возрасте! Засунул в коробку на антресолях, а когда женился и переехал, забыл про него. Нашёл вот теперь – новый, красивый, тёплый, а мне маловат, тебе вот принёс.

Так и случилось, почти как в той песенке:

От сыночка мне достался почти новенький халат,
За чернику был он куплен тридцать лет тому назад.

Да, тридцать лет тому назад и именно за чернику! Как так за чернику? Сейчас расскажу.

В 86-м году поехали мы с подругой в Окуловку покупать деревенский дом, что в те времена сделать было почти невозможно: надо было поступать на работу в совхоз или вступать в колхоз, выписываться из городской квартиры и прописываться в том домишке. Или брать под опеку бабушку – хозяйку дома и под этим предлогом прописываться, или заключать фиктивный брак с дедушкой – хозяином искомого домика, или давать взятки в сельсовете. Всё это было очень затруднительно сделать, но... делали, умудрялись, обходили-объезжали на кривой, как говорится, козе все эти препоны. Зато надо признать, что из-за этих сложностей дома в деревнях, в глубинке, стоили очень дёшево. В Новгородской и Псковской областях рублей за 300—400 можно было купить справный пятистенок. Ну а в Окуловке, куда ведёт прямая железная дорога из Питера, подороже было – рублей 500—600. Это при средней зарплате в те времена в 110—120 рубликов.

Вот мы и ехали туда, имея конкретный адресок одной такой бабульки и пароль для административной тётеньки в сельсовете от некоего среднего начальничка из Леноблсовета.

Бабулька приняла нас как родных, накормила, напоила и рассказала, что перебирается жить в соседнее село к дочке и наши 600 рублей ей будут как приданое. А чтобы узаконить сделку, одна из нас пусть регистрируется в сельсовете с её сыном, который вообще-то находится в каких-то отхожих промыслах, но для этого случая специально приедет завтра.

Утром бабулька полола грядки в огороде, а мы пошли в сельсовет – найти зампреда, сказать пароль и заручиться поддержкой. А там у нас вышел полный облом: я была в очень короткой юбке, а моя подруга надела свитерок коротенький и малиновые лосины, которые и в городе были только-только в новинку, а в деревне вызвали непредсказуемую реакцию! Вообще-то, можно было это предвидеть, но мы как-то не подумали...

Ну, пока мы шли по безлюдной улице, никто нас не видел: в деревне все заняты делом, а не прогулками. Правда, встречные козы и один агрессивный гусак довольно бурно реагировали на малиновые Ирочкины ножки. Но из сельсовета нас погнали матом, а цензурная часть хороших порицаний звучала примерно так:

– Ишь, припёрлись (непереводимые обороты) ... балерины из погорелого театра, туда вас и сюда (непереводимая игра слов) ... а ну (непереводимая лексика) ... пошли вы туда и сюда (сами догадайтесь куда) ... выметайтесь, чтобы духу вашего не было, а то собак спустим и быка-

производителя на это красное (догадайтесь что) напустим... Дом они приехали покупать (слово из пяти букв) ... нам тут такие без надобности, катитесь колбаской в город обратно...

И мы позорно ретировались; бабулька очень огорчилась:

– Ах вы, дурищи городски, я вот, работавши внаклонку, не видела, как вы уходили в таком срамном виде! Эх, кака жалость, деньги-то уже дочке обещалась... с сыном пополам...

Накормила она нас щами, посетовала ещё на городскую дурость и ушла с мотыгой в огород картошку окучивать. А мы решили съездить в Тверь, тогда назывался – Калинин, но местные говорили по-старому – Тверь; и езды-то туда на поезде чуть больше трёх часов, и вдруг там что-нибудь интересное купить можно. В те времена в провинции всякий дефицит попадался – книги, вещи болгарские или ещё лучше – югославские, засланные плановой распределительной системой туда, где они местным ни на кой чёрт не нужны были.

Побежали мы на станцию и поехали, по приезде поели в буфете на вокзале, пошли в местный универмаг – ничего интересного, скудно и скучно; зашли в книжный магазин – о радость! – Киплинга купили, и в отделе учебной литературы замечательные детские книжки на английском оказались – «Сказки матушки Гусыни», а я как раз тогда детям английский преподавала, ну и купила несколько книг, да ещё методички по преподаванию языка деткам. Потом обнаружили недалеко от вокзала магазин сельской кооперации, так и написано на вывеске было – «Кооператив». А там – просто лавка чудес какая-то! Смотрим – кафель! А подруга в то время дома ремонт делала. Он тяжёлый, много не унести, но две упаковки она купила – стенку хоть над газовой плитой выложить. Видим в обувном – туфли мужские летние резные молочного цвета, её сын о таких мечтал. А вот босоножки на шпильке для нас, а рядом – халаты мужские ковровые невиданной красоты! Думаю, сыну на день рождения подарю. И цена сходная, и деньги у нас есть – покупка домика-то не состоялась. И мы скорей к прилавку, выпишите, мол, нам то и это. А продавщица и говорит:

– Выпишу, когда вы предъявите мне справку из заготовительной конторы, что вы сдали по десять килограммов черники или по пять килограммов белых грибов.

– Хорошо, говорю, щас пойдём грибы-ягоды собирать. А где заготконтора? – Мысль у меня мелькнула – справку в этой конторе купить.

– Так тут недалеко, за углом...

Побежали мы за угол, но не вышло купить справку, сказали нам там:

– Ну, деньги, оно, конечно, пригодились бы, но нам же грибы-ягоды дальше в обработку натурой сдавать надо, да и справки эти – бланки строгой отчётности, не пойдёт дело.

И ушли мы расстроенные, на поезд побежали, ближайший на Ленинград. На вокзале пирожков купили, в плацкартном вагоне сидим, пирожки жуём, жидким чаем запиваем. Езды до дома – семь часов, беседуем, вспоминаем свои приключения, и тут меня осенило:

– Ирка, – говорю, – сегодня суббота, приедем утром, сразу на Андреевский рынок рванём, купим черники по десять килограммов – и обратно в Тверь, в заготконтору.

Так мы и сделали: пораньше утром купили по десять килограммов черники и потом семь часов ехали обратно в Тверь. С триумфом в заготконтору входим, чернику сдаём, приёмщик нас хвалит:

– Ну, молотки! Видать, с раннего утра по сей час собирали.

– Ага, – говорим, – взвешивай давай и справки выписывай.

И со справками бежим в кооператив, покупаем сыновьям туфли югославские летние резные молочного цвета, себе босоножки на шпильках красные и халаты шикарные, ковровые снаружи, махровые с изнанки, в чёрно-малиновых и синих узорах. Ирка ещё две упаковки кафеля схватила, а я ещё несколько комплектов детских английских книжек, и бежим на вокзал. А поезд-то на Ленинград, оказывается, в воскресенье не ходит – что делать? нам обеим на работу завтра! Ну, язык, как известно, до Киева доведёт, а разговаривать надо или с самым главным начальником, могущим подключить административный ресурс, или с самым скром-

ным сторожем, или с вахтёром, ну, с уборщицей тоже полезно. Поговорили мы со сцепщиком, он посоветовал:

– Ехайте, бабочки, до Окуловки, а там перехватите рабочий поезд, который через Удомлю пойдёт. Там на Удомлинской атомной станции вахта кончается, они там вахтовым методом вкалывают, и состав этот рабочий на Питер ходит. Только не знаю, сядете ли, больно много народу в него ломится, да билеты успеете ли купить в Окуловке... ну, не успеете или их не будет – деньги проводнице дадите... Ну, покедова, счастливого пути вам, девки...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.